

Увы!
Не вѣрують Амуру нынѣ:
Забуть любви волшебный царь,
Давно остылъ его алтарь!
Но за столичнымъ просвѣщенемъ
Провинціалы не спѣшать
.
.
.

XXXIV.

И сердце Дуни покорилося;
Его сковаль могучій взоръ...
Ей дома цѣлу ночь все снилось
Бряцанье сабли или шпоръ.
Поутру, вставъ часу въ девятомъ,
Садится въ шлафоръ измятомъ
Она за вѣчную канву,—
Все тотъ-же сонъ и наяву.
По службѣ занять мужъ ревнивый,
Она одна — разгулъ мечтамъ!
Вдругъ дверью стукнули. «Кто тамъ?
Андрюшка! Ахъ, тюлень лѣнивый!...»
Вотъ чей-то шагъ, — и передъ ней
Явился... только не Андрей.

XXXV.

Вы отгадаете, конечно,
Кто этотъ гость неожиданный былъ.
Немного можетъ-быть поспѣшно
Любовникъ смѣлый поступилъ;
Но, впрочемъ, взявши въ разсмотрѣнье
Его минувшее терпѣнье,
И разсудивъ, легко поймешь,
Зачѣмъ рискуетъ молодежь.
Кивнувъ легонько головою,
Онъ къ Дунѣ молча подошелъ